**УДК 93/94**

**Жукова Наталья Евгеньевна** – аспирант кафедры истории Отечества ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» Республики Бурятия (г. Улан-Удэ). *E-mail: nataliiiuk@mail.ru*

**Natal'yaEvgen'evna Zhukova** – postgraduate student of the history of the Fatherland chair of FGBOU VPO "The Buryatsk state university" of the Republic of Buryatiya (Ulan-Ude). *E-mail: nataliiiuk@mail.ru*

**Н.Е. Жукова**
**N.E Zhukova**

## Политические процессы 1920-х гг. XX века: региональный аспект

*В статье рассматриваются вопросы политического становления и развития Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. Автором проанализировано взаимодействие таких элементов политической системы, как государство, партия ВКП(б), профсоюзные организации, представлявшие в данный период своеобразную «школу коммунизма». В заключение автор сформулировал особенности политического развития республики.*

## Political processes of the 1920th. XX century: regional aspect

*In the article the questions of political formation and development of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet socialist Republic in the 1920th are considered. The author analyzed the interaction of such elements for the political system as a state party of the VKP(b), the trade union organization, representing in this period a kind of «school of communism». In conclusion, the author has formulated the features of political development of the Republic.*

***Ключевые слова**: государство, партия, профессиональные союзы, Советы, Бурят-Монгольская АССР.*

***Keywords**: state, party, the trade unions, Soviet, the Buryat-Mongolian ASSR.*

Важнейшим событием в политической истории начала 1920-х гг. стало образование Советского государства, постулировавшего среди главных политических принципов построение коммунистического общества. Не менее знаменательным политическим явлением рассматриваемого периода стало организационно-идеологическое укрепление РКП(б)-ВКП(б), усиление ее роли в различных сферах жизни молодого государства. Очевидно, что

данные преобразования отразились в полном объеме на политико-правовом развитии разных регионов страны, многие из которых изменили свой политико-административный статус. Перемены в общественно-политическом развитии стимулировали как поиск новых методов экономического регулирования – введение «военного коммунизма», затем переход к НЭПу, так и формирование иной новой социальной структуры, которая способствовала вовлечению гораздо большего количества людей в политическую жизнь.

Данное переустройство общества и государства сказалось на развитии и Байкальского региона, где в 1923 г. была образована Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая республика (далее – БМАССР), реализовывавшая на практике идеи и принципы нового национально-государственного устройства. Процесс строительства национальной государственности придал политическому развитию Бурятии в 1920-е гг. отличительные черты, проявившиеся в том числе в более высоком политическом статусе автономной республики, по сравнению с другими административными единицами. Одной из главных особенностей политического положения Бурят-Монгольской АССР являлось отсутствие Основного закона, регламентирующего деятельность государства и общества, заменой которому стало Положение о государственном устройстве БМАССР. Существенной чертой процесса формирования национальной государственности стало отсутствие разграничения полномочий между законодательной, исполнительной и судебной властью.

Несмотря на очевидные трудности, с которыми столкнулась молодая автономная государственность, образование Бурят-Монгольской АССР стало важнейшим политическим событием начала 1920-х гг. Нельзя не согласиться с мнением Е.Н. Палхаевой, которая утверждает, что образование республики имело «… непреходящее значение для национального самосознания бурятского народа. Автономная республика в отличие от автономных областей – это, прежде всего, государственность, то есть автономия с признаками государства» [1, с. 270]. Так же справедливой, в свете изложенного, представляется точка зрения А.А. Елаева, полагающего, что идеи автономизации, овладевшие бурятскими массами к началу 20-х гг., были осуществлены на практике, но, вместе с тем, необходимых условий для образования собственной государственности, каковой являлась проектируемая республика, было еще недостаточно, что порождало трудности на пути ее создания и развития [2, с. 166]. Однако не все исследователи однозначно положительно оценивают процесс образования республики, так, например, В.В. Демидов считает, что «… с образованием Бурят-Монгольской АССР ее национальная обособленность ликвидировалась. Принцип объединения национально обособленных единиц в единый национальный автономный союз потерпел в Бурятии сокрушительное поражение, как, впрочем, и в других национальных районах

страны» [3, с. 6]. Представляется очевидным, что процесс автономизации, в целом, имел прогрессивный характер, однако, его осуществление во многом было противоречивым, что обусловлено, на наш взгляд, отсутствием опыта по установлению государственного порядка, недостаточно разработанной нормативно-правовой базой и другими факторами.

В условиях формирования нового государства начала 1920-х гг. шел процесс организационного и идейного становления ведущих политико-правовых институтов общества, например, бурятской партийной организации, комсомола, профессиональных союзов. Бурят-Монгольская областная партийная организация была образована в 1923 г. путем слияния Прибайкальской и Дальневосточной организации РКП(б). К моменту создания Бурятская партийная организация насчитывала 117 чел., из которых 9,5% составляли буряты. В дальнейшем численность партийной организации в Бурятии медленно, но росла. Если в ноябре 1923 г. в областной партийной организации было всего лишь 117 человек, то в январе 1926 г. их стало 711 чел., а к началу 1929 г. – 1487 чел. [4, с. 16]. Очевидно, что росту количества членов областной партийной организации способствовали доминирующее положение ВКП(б), отсутствие реальной политической альтернативы и общее улучшение социально-политической ситуации в период проведения НЭПа.

По социальному составу бурятская партийная организация была преимущественно крестьянской. В процентном отношении к общему числу областной партийной организации число крестьян-коммунистов уменьшилось с 58,3% до 48,1% (январь 1929 г.). Это произошло за счет увеличения состава рабочих [4, с. 15]. Представленные данные убедительно показывают, что главной социальной опорой в ВКП(б) на протяжении всего десятилетия, в республике являлось крестьянство, что соответствовало социальной структуре, где 87%, 64% населения занимались сельским хозяйством [5, с. 5]. Следовательно, именно крестьянство представляло основной социальный слой, к которому в своей деятельности апеллировала партия, а также являлось существенным источником кадровых пополнений для партийного аппарата.

Безусловно, основной задачей партийной организации республики являлось участие в процессе ее формирования и деятельности органов государственной власти. Одним из методов усиления политического влияния стало выдвижение своих кандидатов на выборах в Советы того или иного уровня. Так, по итогам выборов в сомонные[1] сельские Советы в 1925 – 1926 гг. из 667 членов Советов 39 состояли в ВКП(б), 57 – в ВЛКСМ, 571 – были беспартийными; 1926 – 1927 гг. всего членов сомсоветов – 718, из них членов ВКП(б) – 69, ВЛКСМ – 70, беспартийных – 518 [5, л.70]. Наличие в составе сельских Советов доминирующего количества беспартийных членов и

[1] Сомон – составляющая сельская часть районов Бурят-Монгольской АССР.

постепенное увеличение количества партийных работников говорит о ротации партийно-государственных кадров в рамках выборного механизма.

Прошедшие в 1929 г. перевыборы Советов дали значительное обновление состава членов (67,9%) и председателей Советов (71,6%). Из вновь избранных членов сельских Советов 12,2% – являлись членами ВКП(б), 8,6% – представляли ВЛКСМ, 72,2% – были беспартийными. Увеличилось количество партийных председателей Советов, членов и кандидатов ВКП(б): в 1927 г. – 29,3%, в 1929 г. – 54%. Большинство членов Советов являлись крестьянами (89,9%), соотношение же представителей русских и бурят оказалось практически одинаковым – 48,6% и 49,5%, соответственно. [6, с. 88]. На основании имеющихся данных можно сделать вывод о постепенном включении парторганизации в работу государственной власти, замечая и то, что в 1920-х гг. членство в ВКП(б) еще не играло решающий роли при назначении того или иного человека на руководящую должность. Однако социальный статус в большей степени определял положение личности в структуре власти.

Давая характеристику социальным процессам в партийной организации, необходимо обратить внимание на отсутствие квалифицированных работников на всех уровнях партийной структуры. Так, в Отчете председателя Верхнеудинского горрайкома о работе парторганизации отмечалось, что сотрудники горрайкома имеют образование: низшее – 88%, среднее – 11%, высшее – 1% [117, л. 112]. Закономерно, что повышение образовательного уровня членов партии в дальнейшем становится очень важным направлением работы Бурятского обкома ВКП(б).

Реализация курса повышения образовательного уровня рядовых членов партии предала организации партийного политпросвещения массовый характер. Так, в 1924 – 1925 гг. на 1,5-2 месячных курсах секретарей партийных ячеек и других низовых работников прошли обучение 101 чел. С 1925 – 1926 гг. в связи с совершенствованием организационных форм и методов работы, с учетом особенностей работы в восточных и западных аймаках курсы низовых партийных работников стали проводиться дифференцированно для каждой группы работников в отдельности. Всего на курсах продолжительностью 1,5 месяца были подготовлены 1154 партийных работника [4, с. 27]. Безусловно, проблема подготовки квалифицированных кадров, в том числе и партийных работников, стояла довольно остро и препятствовала эффективному функционированию государственных и партийных институтов.

Кроме того, очередной насущной проблемой партийной организации Бурятии стала подготовка специалистов представителей коренной национальности. Так, в самом аппарате обкома в январе 1924 г. из 21 ответственного и технического работника только 5 человек были бурятами, еще меньше насчитывалось бурят в аймачных комитетах партии. Так, в

Верхнеудинском укоме[2] партии не было ни одного работника коренной национальности, хотя треть населения в уезде составляли буряты.

Вопрос коренизации партийного и государственного аппаратов неоднократно обсуждался на бюро и пленумах обкома и айкомов партии. Так, в июле 1924 г. Пленум обкома партии обсуждал вопрос о комплектовании государственного аппарата бурятами, в августе 1926 г. на Пленуме обкома партии был рассмотрен вопрос: «Культурно-национальное строительство Бурятии» [4, с. 30]. В октябре 1927 г. на пленуме обкома партии в Докладе «О культурно-национальном строительстве» говорилось о том, что «… национализация аппарата носит однобокий характер, сводясь к подбору работников» [8, с. 3]. Таким образом, проведение «коренизации» находилось под пристальным вниманием обкома ВКП(б) и других органов власти и нуждалось в непрерывном совершенствовании.

Политика «коренизации» привела к определенным положительным результатам, благодаря которым удалось приобщить часть коренного населения к работе в партийных и государственных органах. Например, удельный вес бурят в партийной организации (вместо 9,5% в ноябре 1923 г.) составил 28% в январе 1929 г. [9, с. 39]. Таким образом, вопросы комплектования партийных и государственных органов квалифицированными специалистами, представляющими коренную национальность, стали необходимым условием становления и развития новой партийно-политической системы.

Партийные ячейки формировались не только в гражданских органах власти, в общественных организациях, но и в военных частях и подразделениях, которые начали оформляться вскоре после образования республики. Так, по итогам обследования состояния конвойной команды войск ОГПУ Военного комиссариата БМАССР в 1924 г. было установлено, что в команде «… имеется объединенная комячейка, в которую входят коммунары конвойной команды 40-го дивизиона отдела ОГПУ и таможни. Всего комячейка насчитывает: членов РКП(б) – 34 чел., кандидатов – 19 чел., кроме этого, имеется ячейка РКЛСМ, насчитывающая 20 чел. Собрания ячеек проводятся в большинстве своем открытые… Указанные собрания проводятся еженедельно, на коих прорабатываются вопросы партсъезда и совстроительства. Присутствие на собраниях беспартийных выражается в 20 – 25% от всего состава конвойной команды. Комячейка, в целом, и члены РКП, в отдельности, авторитетом в крестьянской среде и в среде комсостава пользуются» [10, л.7(об)]. Таким образом, можно предположить, что республиканские военные подразделения стали объектом партийного влияния уже в начальный период своего существования, что вполне согласовывалось с внешней политикой государства, всецело подчиненной идеологической доктрине «мировой революции».

---

[2] Верхнеудинский уездный комитет партии ВКП(б) – 6 марта 1920 г. – 1933 гг.

Исследователи партийной организации республики выделяют присущий ей ряд особенностей. Так, Г.Д. Басаев считает, что особенностью парторганизации Бурятии являлось то, «… что число кандидатов в члены партии преобладало над числом членов партии. Это объяснялось, во-первых, молодостью партийной организации и ее быстрым ростом. Во-вторых, отсутствием сколько-нибудь значительных кадров рабочих, в связи с чем, в партию вовлекались представители из других слоев трудящихся, главным образом из числа крестьян, имевших сравнительно длительный кандидатский стаж. В-третьих, отставанием работы по политическому воспитанию кадров от роста организации, ввиду чего значительная часть кандидатов вовремя не принимались в члены партии» [4, с. 22]. Очевидно, что ВКП(б) в описываемый период в Бурят-Монгольской АССР не имела достаточной социальной опоры в виде многочисленного рабочего класса, что объясняется отсутствием развитого промышленного сектора в республике. По этой причине социальной основой партийной организации в Бурят-Монгольской АССР стало неподготовленное в политическом смысле крестьянство.

Развитие Советского государства и общества в исследуемый период трудно описывать без рассмотрения роли профессиональных и общественных организаций, становление которых шло в русле политических процессов этапа формирования нового государства. Здесь необходимо обозначить тот факт, что начало 1920-х гг. в политическом развитии было ознаменовано разного рода партийными дискуссиями, в том числе и так называемой «дискуссией о профсоюзах», следствием которой стало Решение знаменитого X съезда партии, запретившего всякое внутрипартийное размежевание. Итогом дискуссии для самих профессиональных союзов стало принятие впоследствии Концепции «Платформа 10-ти» во главе с В.И. Лениным, закрепившей за профсоюзами роль школы коммунизма в советском государстве.

В данной политической обстановке происходило формирование профессиональных организации в Бурят-Монгольской АССР. По предложению Бурят-Монгольского бюро РКП(б) и на основании Постановления ВЦСП Прибайкальский совет профсоюзов в октябре 1923 г. был преобразован в Бурпрофсовет (далее – БЦСПС), а губотделы – в буротделы (далее – БО). Под руководством обкома партии БЦСПС развернул работу по комплектованию профсоюзного аппарата на местах. Для координации деятельности профсоюзных организаций аймаков создается институт профуполномоченых [11, с. 19]. В начале своего существования 17 профсоюзов Бурятии объединяли в своих рядах 5278 членов, причем, самым многочисленным из них был Союз совторгслужащих, насчитывающий в том же 1923 г. 1398 членов. К 1927 г. количество рабочих и служащих, состоящих в БЦСП, возросло до 17517 членов, что, безусловно, показывает быстрый количественный рост профессиональных союзов. Оценивая темпы роста профорганизаций можно заключить, что в середине 1920-х гг. сельские

профсоюзы росли быстрее городских. К примеру, прирост членов профсоюзов в г. Троицкосавске за 1924 – 1926 гг. составил 21,4%, в г. Баргузин – 13,9%, в то время как в самом Баргузинском аймаке[3] рост количества членов профсоюзов составил 86,3%. Однако, по сравнению с городскими, прирост сельских союзов не был равномерным, показывая в отдельных аймаках отсутствие пополнения в профорганизациях [9, с. 59 – 60].

На протяжении 1920-х гг. работа профессиональных организаций, достоинства и недостатки их деятельности активно обсуждались на страницах газеты «Бурят-Монгольская правда», во многом благодаря этому мы можем объективно отразить профессиональную жизнь рассматриваемого периода. Так, в одном из номеров Бурят-Монгольской правды говорилось, что «… профсоюзы имеют ряд очень крупных достижений в своей деятельности. К ним относятся большой количественный рост союзов, улучшение обслуживания членской массы, улучшение и углубление производственной работы и др.». Затем автор публикации отмечает ряд недостатков профсоюзной работы, такие как решение месткомом «вопросов найма и увольнения рабслужащих», что, очевидно, не входило в круг его задач. Далее автор подчеркивает, что «… не менее странно, когда тот же местком сейчас, в период развертывания внутрисоюзной демократии, устраивает «заседания вдвоем», не оповещая о них остальных членов месткома, не говоря уже о членах коллектива. Другой коллектив занимается на собраниях перекличками, забывая, что посещение собраний – дело добровольное. В третьем – бюро кассы взаимопомощи забыло о том, что оно должно отчитываться перед своими избирателями. В четвертом – есть все данные для развертывания работы, но она «почему-то» не развертывается» [13, с. 3]. Автор данной публикации, предположительно, являлся членом союзов химиков, однако, предпринял попытку обобщить проблемы профработы, где намечалась тенденция к усилению контроля над деятельностью профсоюзов.

Подтверждением тенденции к усилению административного влияния, в том числе и на профессиональные союзы, служат следующие данные: в правлениях профессиональных союзов партийное ядро в 1925 г. составляли – 43%, в 1926 г. – 47,5%, в 1927 г. – 66%. В профсоюзах также увеличилось число рядовых коммунистов: с 1553 – в 1926 г. до 3797 – в 1928 г. [11, с. 23].

Профессиональные союзы Бурят-Монгольской АССР принимали участие в социалистических соревнованиях, в проведении культурно-массовой работы, активно участвовали в политической жизни республики. Так, например, посещаемость членами профсоюзов отчетно-выборных

[3] Административно-территориальная единица в Бурят-Монгольской АССР в период 1923 – 1977 гг.

собраний в Верхнеудинском Совете в 1927 г. достигла 70%, в 1928 г. – 92,5% [11, с. 46].

В 1927 г. в ежемесячном журнале «Жизнь Бурятии» были подведены некоторые итоги деятельности профессиональных организаций республики. Среди основных достижений профсоюзов Бурятии отмечались: содействие «… ее организации, формированию и укреплению ее советского, хозяйственного и культурного аппарата», также успехи в деле коренизации, «в результате чего к настоящему моменту мы имеем около двух тысяч бурят, вовлеченных в профсоюзы, а процент их организованности по отдельным союзам (медики, просвещенцы) достигает 90%». Далее автор обращает внимание на политико-идеологический компонент деятельности бурятских профессиональных союзов, сообщая, что «… под влиянием профсоюзов во всей системе советского строительства замечается подъем классово-политического и культурного уровня рабочих масс. Они не только понимают задачи своего государства, но и стремятся быть активными его строителями».

Несмотря на ряд положительных моментов, в работе профессиональных организаций, автором публикации были выявлены недостатки в их работе, а именно: «… вовлечение бурят в аппарат разного рода учреждений, особенно в производство, далеко недостаточно, особенно мало вовлекается батрацко-бедняцкая часть. Недостаточно развернута работа по организации батрачества, его воспитанию и вовлечению на арену общественно-советской жизни» [14, с. 113]. Таким образом, профсоюзы Бурятии, выполняя свою традиционную функцию защиты интересов трудящихся, реализовывали многообразные социально-классовые и политико-идеологические задачи. Однако, в силу отсутствия политического и организационного опыта, деятельность профессиональных организаций не была лишена отрицательных сторон, лежащих не только в идеологической плоскости.

Подводя некоторые итоги исследованию политического развития Бурят-Монгольской АССР в 1920-х гг., необходимо обозначить рассматриваемый период как этап организационно-политического становления таких институтов, как государство, партия, профсоюзные организации. Все они функционировали в новой общественно-политической ситуации строительства автономной государственности, коммунистического общества, которое придавало обозначенным институциям социально-классовый, идеологический характер. Все эти факторы способствовали, с одной стороны, демократизации власти за счет притока крестьянского населения в партию и профсоюзы, с другой стороны, породили проблему дефицита квалифицированных специалистов. Бурятский обком ВКП(б) и профессиональные организации республики в политико-идеологическом смысле работали как единое целое, формируя активное отношение населения к деятельности органов власти через систему выборов, партийных и профсоюзных собраний, участие в работе Советов.

***Литература и источники:***


*1. Палхаева, Е. Н. Трансформация государственности бурят в XX – XXI вв. / Е. Н. Палхаева. – Улан-Удэ, 2012. –296 с.*

*2. Елаев, А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение/ А. А. Елаев. – М., 2000. – 350 с.*

*3. Демидов, В. А. Бурятия: от степных дум к автономии / В. А. Демидов, В. В. Демидов. – Новосибирск. : СибАГС, 2001. – 162 с.*

*4. Басаев, Г. Д. Становление бурятской организации КПСС / Г. Д. Басаев. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. – 176 с.*

*5. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). – Ф. 475. – Оп. 1. – Д. 365. – Л. 70.*

*6. Отчет правительства Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики за 1928 – 1930 гг. – Верхнеудинск – 89 с.*

*7. ГАРБ. – Ф. – П – 1. – Оп. 1, 243. – Л. 112.*

*8. Бурят-Монгольская правда // Верхнеудинск, 9 октября 1927 г. – № 229. – 8 с.*

*9. Социалистическое строительство в Бурятии за 10 лет. – Верхнеудинск, 1933. – 115 с.*

*10. ГАРБ. – Ф. – Р – 708. – Оп. 1. – Д. 91. – Л. 7 (об).*

*11. Данилова, З. А. Общественные организации Бурятии (1923 – 1928 гг.) / З. А. Данилова. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. – 1989 г. – 156 с.*

*12. Материалы по статистике Бурятии : статистистический материал // Бурят-Монгольское статуправление. – Вып. 1: население. Труд. – Верхнеудинск, 1926. – 140 с.*

*13. Бурят-Монгольская правда. – 8 мая 1927 г. – № 101. – 8 с.*

*14. Жизнь Бурятии. – Верхнеудинск. – 1927 г. – № 10. – 108 – 113 с.*